

С. Н. АБАШИН

Институт этнологии и антропологии
Москва

Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ

**/ Под редакцией В. С. Малахова и В. А. Тишкова.
М.: Институт этнологии и антропологии РАН,
Институт философии РАН, 2002. 356 с.**

В июле 2002 г. в суд города Казани обратилась группа из 15 верующих мусульманок с просьбой разрешить им сфотографироваться для паспортов в платке, чего от них, как они считают, требует их вера. Ссылки на религиозные убеждения, на собственное представление о приличии и неприличии, на прецеденты в других странах не возымели никакого действия. Сначала районный, а потом и республиканский суд отказали в иске, сославшись на ведомственные инструкции МВД. Президент России, приехав в Казань, публично поддержал решение татарстанских судов, расценив просьбу мусульманок как проявление "моды" и призвав внимательно относиться к "стандартизации"...

ОЖНО ли в данном случае считать решение судов справедливым и законным? Не поспешил ли президент вынести своё высочайшее суждение по такому сложному и деликатному вопросу? Как регулировать подобные коллизии?

Долгое время считалось, что национально-государственное, федеративное устройство России как раз и есть тот самый политический механизм, который позволяет учесть всё разнообразие местных культурных особенностей. Но вот, как мы видим, в одном из национальных субъектов Российской Федерации - Татарстане - был отклонён иск, связанный с религиозными убеждениями истца, и всё российское общество стало свидетелем того, как бездушно и казённо это было сделано. Налицо явный кризис прежней «национальной» модели удовлетворения множественных культурных потребностей населения: любые политические проекты, законодательные акты и научные исследования, построенные в парадигме «этнота» и «этничности», заводят политиков и экспертов в тупик, создавая в обществе конфликтные ситуации. Существуют ли способы реструктурировать современный публичный дискурс в России, убрав вовсе или хотя бы уменьшив его этнонационалистическую составляющую?

Именно на этот вопрос попытались ответить авторы рецензируемой книги. Её основная цель, как сказано в предисловии, - «привлечь внимание интеллектуального сообщества и публичных политиков постсоветских стран к феномену культурного плюрализма» (С. 5). Обращение к мультикультурализму, по мысли составителей сборника, призвано разгрузить тупиковые постсоветские дебаты по национальному вопросу и обновить эпистемологические и методологические основы русскоязычного обществознания (там же). В свою очередь, обновление должно заключаться в том, чтобы «наивному эссенциализму» противопоставить «антиэссенциалистские стратегии», включая «рялиционизм, символический интеракционизм, социальный конструктивизм» (С. 7). Как видим, цель поставлена отнюдь не рядовая; вопрос, однако, в том, была ли она достигнута?

Читая статьи, собранные в книге, нетрудно убедиться, что их авторы по-разному видят свою задачу: у одних это историографическая критика, у других - анализ политической, правовой и социальной практики. Некоторые из них считают, что мультикультурализм - это способ или повод перевести этнический дискурс из плоскости «примордиальных» прав в плоскость индивидуального выбора. Другие, напротив, полагают, что эссен-

циалистская, «примордиальная» трактовка этнических и национальных различий и есть наиболее логичное воплощение мультикультурализма. Соответственно одни оценивают мультикультурализм скорее со знаком плюс, другие - со знаком минус. Нет согласия даже в том, что касается самого термина: кто-то из авторов сборника предпочитает говорить о «мультикультурности», кто-то - о «мультиэтничности», а кто-то - об «интеркультурности». Другими словами, в исследованиях культурного плюрализма наблюдается плюрализм интерпретаций.

Между тем подлинное столкновение мнений на страницах сборника встречается только один раз, и, что интересно, участниками спора выступают вовсе не российские исследователи, которые более склонны к поиску компромиссных интерпретаций и комплиментарности, а приглашённые зарубежные авторы - известнейшие специалисты по мультикультурализму - Чарльз Тэйлор (Монреаль, Канада) и Франц-Олаф Радтке (Франкфурт-на-Майне, Германия). Их противостояние чётко обозначает основную линию размежевания в понимании проекта «мультикультурализм».

В статье «Демократическое исключение (и “лекарство” от него?)» Тэйлор утверждает, и не без оснований, что современная демократическая и либеральная идеология генетически была связана с переходом от монархического способа правления к национальному, заменившему волю монарха волей нации. В силу такого своего происхождения гражданское общество неизбежно создавало проблему меньшинства, как политического, так и культурного, то есть порождало, говоря словами Тэйлора, «исключение» или «искусственное исключение» (С. 22). Стремясь оставаться в границах либерально-демократической традиции, Тэйлор предлагает искать общеприемлемую позицию, которая бы не подразумевала сосуществование в рамках одного государственного устройства различных «исторических идентичностей» (С. 36-37).

Радтке в статье «Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия» оспаривает взгляды Тэйлора. По его мнению, культур как сущностей в природе нет, поэтому любой разговор о мультикультурности, являя собой способ скрыть отношения господства и подчинения, служит инструментом борьбы за власть и ресурсы. Не отрицая гуманистической задачи мультикультурализма, Радтке пытается показать, что эта концепция, тем не менее, неизбежно приводит к созданию «невесты откуда взявшихся “культур”», принадлежность к которым превращается нередко «в культурную тюрьму» (С. 110, 112).

Хотелось бы отметить, что «культура» - это действительно странное понятие, позволяющее сужать себя до высоких образцов духовной жизни либо расширять до всего, что создано человеком и вообще отличает человека от животного. Именно подобные понятия легко становятся средством политического манипулирования. Однако в борьбе за власть может использоваться не только понятие «культура», но и любой другой дискурс, любое знание, которые производятся в обществе. Либеральная и демократическая идея, понятие «гражданское общество» тоже могут стать и становятся инструментами власти немногих над многими, но означает ли это, что обществу надо искать альтернативы этим идеям? К тому же, разрушив много маленьких «культурных тюрем», освобождаем ли мы человека? А может быть, мы просто загоняем всех в одну большую «культурную тюрьму» американского образца?

Опасения, которые высказывает Радтке, оправданы в том случае, когда культура оказывается тесно привязанной к понятиям «этничность» и «этнос». Именно против такой трактовки мультикультурализма выступает в статье «Мультикультурализм и деконструкция этнических границ» Виктор Воронков, который полагает, что «в любой его [мультикультурализма] модели имплицитно присутствует эссенциалистское представление об этничности и примордиалистский подход к культуре» (С. 39). Он пишет далее, что мультикультурализм, то есть риторика поддержки культур «слабых», может использоваться лишь в качестве «временного сильного лекарства» против расизма, но длительное злоупотребление им грозит возникновением новых дискриминационных практик, направленных против культуры «сильных». «Типичным примером передозировки» и «страной победившего мультикультурализма» автор называет советское общество, этнонациональное устройство которого воплощало идеи мультикультурализма, доведённые до своего логического предела (С. 39-40).

Как видно из этих споров, обсуждение мультикультурализма напоминает движение маятника. Борьба против расизма за культурные права меньшинств и «слабых» в её крайнем выражении доходит до сегрегации и геттоизации по культурному признаку. Но и борьба против этой крайности может привести к подавлению всех культурных прав со стороны одной - самой «сильной» - культуры, что само по себе уже расизм.

Баланс между крайностями пытаются найти Валерий Тишков («Теория и практика мультикультурности») и Владимир Малахов («Зачем России мультикультурализм?»). Оба автора анализируют

различные варианты реализации идеи мультикультурализма в политике стран Запада, отмечая неоднозначный характер достигнутых результатов.

Тишков указывает на путаницу между концепциями «мультикультурализма» и «многонациональности» и высказывает опасение, что в условиях России они сольются в одно целое. Опасаясь «культурного фундаментализма» и «культурного аргумента в производстве насилия», предупреждая против дискриминации «доминирующей культуры», Тишков допускает, тем не менее, использование в России той модели мультикультурализма, которая позволила бы смягчить национальную поляризацию общества и перевести проблему с наций и культур, «институализированных государственным устройством, системой прав и преференций» (С. 336) к индивидуальной идентичности. Впрочем, заканчивается статья скорее на пессимистической ноте: автор сомневается в возможности с помощью новой идеи справиться со сложившимся этническим дискурсом и утвердившейся национальной практикой.

Отношение Малахова к мультикультурализму также по большей части критическое. Вслед за Радтке и Воронковым он констатирует, что эта идеология «перекодирует структурные проблемы в культурные» и «закрепляет дискриминацию» (С. 49, 50). Тем не менее, полагает автор, разумной альтернативы мультикультурализму нет, а отказ от него (его «не-проблематизация» и «невидимость» наукой и публичным дискурсом) вовсе не избавляет от этнокультурной сегрегации (С. 55). Выход из этих противоречий Малахов, как и Тишков, видит в том, чтобы развести этническую и культурную идентичности, а «право на отличие» сделать сугубо индивидуальным.

Говоря о необходимости сохранить многокультурное общество, оба этих автора не очень ясно отвечают на вопрос: как можно сделать подобное, не обращаясь к этническому дискурсу? Альтернативу пытается предложить Кристоф Цюрхер (Берлин, Германия) в статье «Звёздные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций». Он полагает, что «после двух десятилетий развенчания так называемого сущностного и примордиального ядра культурного (или этнического) своеобразия, границы между различными культурами охраняются не менее тщательно, чем прежде» (С. 64). Тем не менее Цюрхер предлагает свою модель «правильного» мультикультурализма, которую он называет «интегративным многообразием». Она включает в себя неформальные местные и традиционные институты, в том числе советы старейшин, влиятельные кланы, обычное право и

прочее. В таком виде эту модель вряд ли можно считать удачной. Традиционализм - это тоже миф вроде культур, а реификация якобы традиционных институтов несёт в себе не меньшую по сравнению с нациями и этносами опасность подавления индивидуальности и разжигания конфликтов.

Александр Осипов («Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств?») критикует неопределённость коллективных прав, ставя её в один ряд с неопределённостью понятия «мультикультурализм». Он показывает неоднозначность международной интерпретации прав различных групп и приходит к выводу, что на вопрос «Есть ли в юридическом смысле коллективные права или нет?» можно ответить: «Скорее нет, чем да» (С. 90). Автор рассматривает разные виды рациональных доводов в пользу групповых прав и убедительно демонстрирует их логические и правовые изъяны.

Осипов приглашает к разговору о состоянии современной либеральной мысли. Отмечая её кризис, он утверждает, что «либеральная традиция в общественной практике оказывается тесно связанной с разными формами национализма» (С. 98). Означает ли это, что либерализм должен не замечать право на отличие? Думаю, что отказ от либеральной критики «культурного империализма» (а также «культурного расизма») и соответственно от некоторой культурной ангажированности либерализма не только не приведёт, во всяком случае в России, к исчезновению проблемы культурного насилия, но и, напротив, усугубит её.

На аргументы Осипова можно взглянуть сквозь призму статьи Александра Согомонова «Мультиэтничность». Этот автор пишет, что в эпоху постмодерна, когда идеи прогресса и опережения-отставания уже не так дороги нашему современнику, этничность перестаёт восприниматься как «архаичное свойство нашей культуры» и становится важной чертой личности. Происходит «перенос ценностных акцентов постсовременной культуры с универсального на множественное, с нормы на различие», в результате чего «даже теория “прав человека” подвергается сегодня серьёзному пересмотру» (С. 121). Согомонов помещает мультикультурализм в более широкий исторический контекст и, может быть, предугадывает какие-то долговременные тенденции, но при этом - вольно или невольно - становится защитником национализмов.

Теоретическую тематику сборника завершает статья Льва Гудкова «Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам». Автор отмечает, что, «как бы ни был слаб этот мотив [эссен-

циалистской природы культур] в концепциях “мультикультурализма”, он неустраим, несмотря на все оговорки и аргументы сторонников этого подхода, и не может быть устранён без ущерба или даже потери самого смысла утверждения многокультурности» (С. 126). Идею мультикультурализма Гудков согласен признать только в качестве «морально-правового, политического, даже педагогического или пропедевтического» принципа, но не теоретического или методологического подхода, поскольку оно отрицает значимость «многообразия, текучести, многоуровневости, полисемантизма, перспективности говорящего или действующего, взаимобратимости ожиданий» (С. 126-127). На основе социологических исследований автор пытается анализировать традиционалистские (то есть как раз эссенциалистские?) взгляды населения и элиты в России.

Острой проблеме миграции, которая сегодня оказалась напрямую связанной с тематикой мультикультурализма, посвящены несколько статей сборника. Ольга Бредникова и Олег Паченков («“Этническое предпринимательство” мигрантов и мифы мультикультурализма»), рассматривая поведение недавних экономических мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Санкт-Петербурге, утверждают, что, вопреки существующим теориям, этническая солидарность не является значимым ресурсом приспособления мигрантов к социальной и экономической ситуации (С. 157), а социальные сети формируются вовсе не по этническому признаку: «искусственно сконструированные и идеологически нагруженные научные категории - “национальные культуры”, “этнические группы”, “национальные (или этнические) меньшинства” - не работают для объяснения устройства жизни мигрантов» (С. 159). Оксана Карпенко в превосходной статье «Языковые игры с “гостями с юга”: “кавказцы” в российской демократической прессе 1997-1999 гг.» подробно анализирует язык, посредством которого осознаётся и интерпретируется ситуация с мигрантами в России, и приходит к выводу «о существовании дискурсивной стратегии, используемой “демократическими” (! - С. А.) изданиями и устанавливающей систему социального неравенства на базе этнических различий» (С. 191).

Блок статей в сборнике посвящён ситуации в различных странах бывшего СССР. Уильям Биман (Провиденс, штат Род-Айленд, США) исследует на примере Таджикистана становление единой национальной идентичности в обществе, которое состоит из различных этнических, религиозных или лингвистических групп. Алексей Се-

мёнов (Таллин, Эстония) в статье «Культурное многообразие и этническая модель национального устройства: решение в пользу “этнической демократии” в Эстонии» анализирует опыт национального строительства в этом государстве и приходит к выводу, что выбранная там модель, которая основана на этническом понимании термина «нация», ведёт к «исключению» значительной части неэстонского населения. Альтернативу автор видит в гражданской модели национального строительства, предполагающей партнёрство эстонцев и неэстонцев в «сфере политической интеграции на основе равенства и недискриминации» (С. 205). Примерно о том же говорит Игорь Савин (Чимкент, Казахстан) в статье «Мультикультурализм и предупреждение этнических конфликтов в постсоветском Казахстане: методология и практика». По его мнению, «этнизированное видение социального мира по-прежнему господствует и используется для укрепления легитимности существующих в постсоветской Центральной Азии этнократических режимов» (С. 230), что мешает интеграции «некоренного» населения в политическую систему, служит фактором напряжённости и конфликтности. Думаю, что обе последние статьи слишком оптимистично оценивают возможные итоги смены этнической интерпретации нации на гражданскую. Последняя, как свидетельствует опыт хотя бы той же Франции или Турции, не решает проблемы сосуществования разных культур и культурных идентичностей.

В то время как два предыдущих автора критикуют этнонациональную модель государственного устройства, следующая статья рисует её скорее с положительной стороны. Энвер Кисриев («Модель “со-общественной демократии” и опыт политического развития республики Дагестан») показывает, как с помощью этнического (и суб-этнического - «джамаатского») языка, отчасти формализованного в правовой системе, отчасти остающегося в сфере неформальных соглашений и переговоров, в Дагестане была создана модель политического устройства и согласования различных интересов в обществе. Автор отмечает, что демократически настроенная интеллигенция подвергает эту систему массивной критике, видя в ней нарушение прав человека и подмену индивидуального выборного права этническими куриями. Однако он сомневается, возможна ли какая-то другая модель, которая была бы способна поддерживать баланс в республике. Между тем остаётся под вопросом, как долго существующая система сможет быть эффективной, учитывая самые разные процессы, происходящие

в дагестанском обществе (массовая миграция населения, изменение численности различных групп, появление новых границ в конфессиональной сфере - фундаменталисты и ваххабиты, криминализация и т.д.)?

Если последние три автора - сторонники различных форм государственного вмешательства в регулирование этнических взаимоотношений, то в следующих статьях говорится о тех конфликтах и противоречиях, которые возникают в случае законодательного признания этнических прав.

Так, Сергей Чешко («Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность») подвергает критике этническое понимание нации и выступает против этнического самоопределения, считая его заблуждением (С. 244). Однако возникает вопрос: если последние 100-150 лет государства формировались именно по принципу самоопределения, которое порой понималось в этнических терминах, то почему сейчас нужно эту правовую практику прекратить? И не означает ли это, что автор предлагает вернуть ситуацию к тем политическим реалиям, которые были 150 лет тому назад? И не станет ли отказ от самоопределения односторонним решением «сильных» стран, подавляющих «слабые» (например, Израиль, созданный по этническому признаку, входит в число признанных государств, а Палестина право на этническую государственность теряет)? Я ещё раз напомним вывод Тэйлора о том, что демократическое развитие и самоопределение исторически были тесно связаны между собой и что эту связь будет трудно разорвать без ущерба для демократии.

Из статьи Чешко не вполне понятно, является ли концепция мультикультурализма синонимом этническому самоопределению. Ульрих Билефельд (Гамбург, Германия) в статье «Амбивалентная структура самоопределения» пишет, что «политику признания мультикультурности первоначально понимали как государственную политику, имеющую целью нейтрализацию требований самоопределения и связанного с ним отделения» (С. 248), но само признание самоценности культуры этнического меньшинства неизбежно ведёт к признанию той или иной формы её автономии и выдвиганию требования о самоопределении. Автор пытается проследить историю развития идеи самоопределения и критикует её, видя в ней скорее негативные тенденции, чем позитивные. «Самоопределение не должно быть самоопределением за счёт других», - делает он вывод (С. 258).

Сергей Соколовский («Национальное меньшинство»: продукт гражданского общества?)» связывает, как и Тэйлор, появление понятия «национальное меньшинство» с демократией, для которой количественная сторона - подсчёт голосов на выборах, референдумах, опросах - становится ресурсом политического (и, добавлю, культурного - например, в сфере телевизионных рейтингов) веса. Автор также анализирует использование замещающих это понятие терминов («коренной малочисленный народ», «народность», «малочисленная этническая общность», «коренной этнос» и пр.) в правовом пространстве России, указывая на то, что «мы сталкиваемся с набором плохо соотносимых дискурсивных образований, часть смыслов которых не поддаётся генерализации» (С. 275). Он констатирует, что такая противоречивая система именовании не позволяет изучать культурные, экономические и прочие потребности реально дискриминируемых, уязвимых групп и слоёв российского общества.

Наконец, в двух статьях - Николая Рагозина из Донецка («Принцип интеркультурности в преподавании прав человека: методические проблемы») и Изабель Дим из Франкфурта-на-Майне («Воспитание и толерантность: импликация интеркультурной педагогики в аспекте теории действия») - рассматривается тема «интеркультурного воспитания», то есть привития навыков общения с людьми другой культурной идентичности, навыков толерантности и т.д. Рагозин подчёркивает, что такое воспитание, не будучи инструментом ассимиляции, «выступает основой полноценного и полноправного диалога культур» (С. 304). В свою очередь Дим, подробно анализируя разные формы отношения к этническим различиям - от игнорирования до уважения, положительные и отрицательные стороны разных методов воспитания толерантности к культурным различиям, приходит к выводу, что «завет толерантности, имплицитно содержащийся в школьном учебном материале, оказывается источником асимметрии в структуре отношений в классе, он производит, воспроизводит и реифицирует эту асимметрию» (С. 326).

Подведём итог. Сборник явно не заканчивает дискуссию о мультикультурализме. Более того, составители, на мой взгляд, не использовали всех возможностей, заложенных в теме. В большинстве статей проблема мультикультурализма вольно или невольно сведена к национально-

му вопросу, то есть к спору об этносах, этничности, этнических различиях. Вместо того чтобы разделить понятия «этничность» и «мультикультурализм», редакторы, по существу, ввели последнее понятие в этнический дискурс, «нагрузили» его такими проблемами, как групповые права, самоопределение, права меньшинств, практика «сообщественной» демократии и т.п. В результате потенциал этой концепции не был полностью раскрыт. А ведь она могла бы включить в себя ещё ряд проблем - конфессиональных, гендерных, молодёжно-культурных.

Итак, удалось ли авторам сборника выполнить поставленную перед собой задачу - обновить российское обществознание? Хочу вместо ответа на этот вопрос процитировать Изабель Дим: «При подготовке педагогических кадров следует готовить их к работе в ситуациях, когда “правильного” решения не существует. Необходимо отказаться от склонности к гармонизации и сглаживанию противоречий. При обсуждении предпосылок, импликаций и последствий интеркультурной педагогики необходимо отдавать себе отчёт в том, что она не

гарантирует решения проблемы, более того: она сама становится проблемой» (С. 327). Эти слова можно обратить к учёным, политикам и общественности как своего рода предостережение от иллюзии, будто есть способ разом решить весь клубок противоречий, накопившихся в сфере этнических и культурных отношений.

Если не оценивать меру успешности рецензируемого сборника с точки зрения заявленных составителями весьма смелых целей, то впечатление от его чтения окажется более чем благоприятным. Подбор квалифицированных авторов, постановка серьёзных и актуальных вопросов, обсуждение их на современном языке - всё это означает, что книга выполнила свою главную задачу - ввела «русскоязычную» аудиторию в проблему мультикультурализма, «вбросила» это понятие в российский дискурс по национальным проблемам, обозначила перспективы нового взгляда на привычные проблемы, предоставила возможность выбирать между разными позициями и интерпретациями. Как на всё это отреагируют интеллектуальное и политическое сообщества России? Поживём - увидим.

...Верховный суд Российской Федерации летом 2003 г. рассмотрел жалобу мусульманок из Татарстана и неожиданно для всех экспертов принял решение разрешить им фотографироваться в платке.

Sergei Abashin

Mul tikul turalizm i Transformatsiia Postsovetskikh Obsch estv
(Multiculturalism and Transformation of Post-Soviet Societies
/ Ed. by V. Malakhov and V. Tishkov. Moscow, 2002. 356 pp.)

Sergei Abashin, the author of the review, makes a survey on articles of this collection, in which authors give us their understanding of the phenomenon of multiculturalism and construct models of possible development of Russian society. In conclusion, the author says that discussion on this issue is not completed by this book.

Igor KUZNETSOV

Kuban State University
Krasnodar

CHICAGO PIZZA TALKS on the History of Anthropology (After Transcript of Videotaping Interview with George Stocking¹)

GEORGE W. Stocking, Jr. is already 75 old intellectual, tall guy, with absolutely snowy haired head, as well as an artistic underground fashioned ring in his ear, and constantly non-trivial thoughts out parenthesis in his view. He conducts brilliant research on the history of anthropology as Stein-Freiler Distinguished Service Professor Emeritus of Anthropology and in the Committee on Conceptual Foundations of Science at the University of Chicago. He is still teaching and writing. The latest book *Delimiting Anthropology: Occasional Inquiries and Reflections* was published by him in 2001 yet.

Our meeting fell on the eve of 2003 New Year. But that morning had its (micro)historical background. During the first stage of my «fieldwork» there I accompanied by dear friend and guide, native UChicagoan Daniel Volk have run about the campus to hunt useful informants to be picked up: Ray Fogelson, working at the office upstairs Northwest Coast Totem pole, Marshall Sahlins, speaking with a colleague outdoors... However Dr. Stocking was found neither at his office nor in the library, nowhere.

Then, while I was going to visit «Windy City» next time I was writing to George Stocking: «Dear Dr. Stocking, First of all I would like to pass you my warmest Christmas greetings. This is Igor Kuznetsov, professor from Krasnodar, Russia. Now I'm a current Fulbright Visiting Scholar at Columbia U, department of anthropology. Then I am asking you about any possibilities for brief audience with you. Actually I've get so many questions, dealing with the history of American anthropology, especially interactions between researchers and Native American informants. During couple of weeks since December 25 until January 6 I will be in Chicago at my friends and after this period back to NYC. If you will be not too busy please reply me. Best wishes, Igor». Stocking replied so soon and shortly: «Dear Dr. Kuznetsov: As it happens, I am recuperating from an operation, and come into the University only irregularly. However, if you call me at home when you come to Chicago, I am sure we could arrange a time to talk. My number is [...]. If there is no answer, you can leave a message, and I will call you back at your friends».

And now (on December 31, 2002) we are sitting here, in *Edwardo's Natural Pizza*, which is on the crossroad of 57th Street and Kimbark. I am fixing each «manifestation of mental life» of George Stocking, as Boas would call it. Surprisingly, a kind of endless labyrinth (formally not semantically a camera's click will be the end) of fragile jazz swinging phrases is coming untwisted before your eyes. I hope you can make out some Stocking's deepest observations on the development of world (not Chicagoan, not even American) anthropology behind the image seems so strange. Sorry for I am going to prevent your attention with my so stupid stops as well as a waiter's «have a nice day» and beautiful Chicago (not New York, not even American) pizza.